

Н. КОЧА*

Ленин**

Ночь с 25 на 26 октября 1917 года.

На ведущих к Зимнему улицах с 4 часов дня не утихала пулеметная и ружейная стрельба. Около полуночи в Петрограде прогремел первый орудийный выстрел. Временное правительство капитулировало. Керенский был вынужден бежать. Революционный пролетариат одержал полную и безусловную победу.

В час ночи большой зал Советов ломился от народа. Ораторы сменяли друг друга на красной трибуне. Охрипшие и возбужденные, пламенно жестикулируя, они провозглашали победу революции. Непрерывный гул, неумолчный, как морской прибой, наполнял огромный зал. То и дело распахивались двери. Входили вооруженные рабочие с горящими глазами, с потемневшими от порохового дыма лицами, растерянно оглядывались по сторонам и в изнеможении падали в кресла. То и дело потрясающие вести. Сдался почтамт. Окружены кадетские казармы. Еще один полк сложил оружие. Пал Арсенал. Каждое известие сопровождалось

* *Николае Димитру Коча* (1880–1949) — румынский писатель и публицист. Принимал участие в кружке «Рабочая Румыния». Сотрудничал в социалистической прессе. В октябрьские дни 1917 г. Н.-Д. Коча находился в Петрограде.

** Воспоминания Коча написаны в 1919 г., на русском языке были опубликованы в журнале «Дружба народов», 1967, № 10.

оглушительными приветственными криками, и в зале вспыхивал «Интернационал». На трибуне продолжали сменяться ораторы. Но зал кипел от гула криков.

Вдруг воцарилась мертвая тишина. Все как загнипнотизированные обратили свои взоры в одну точку. К трибуне мелкими шагами шел невысокий, лысый, строго одетый человек средних лет, держа под мышкой пачку бумаг. Положив бумаги на стол, он перелистал их и, бросив на толпу короткий острый взгляд, в котором, казалось, искрилась улыбка, принялся читать.

Читал уверенно, спокойно и ровно, как лекцию в университете. Читал, и на лице его не вздрагивал ни один мускул, не отражалось ни одно из чудовищных потрясений этого дня, читал грозные декреты, провозглашавшие впервые в истории экономическое и социальное равенство между людьми, декреты, которые отнимали землю у помещика, обобществляли промышленность, дома, имущество, все, не оставляя камня на камне от всех устоев прошлого. Зал молчал, словно оцепенев. Ни одного хлопка, ни одного возгласа одобрения или протеста, никаких споров. Только руки взлетали вверх после каждого параграфа, утверждая с молниеносной быстротой основополагающие законы самой глубокой социальной революции.

Чтение продолжалось ровно один час тридцать пять минут.

А когда наступила очередь последнего параграфа, того самого, что одной фразой венчал все свершения мира и социализма, великой революционной ночи, Ленин, отложив смешавшиеся листки, тоже поднял руку, проголосовал и опустил широкую тяжелую ладонь, как нож гильотины, на все привилегии прошлого.